

УДК 9

DOI 10.21661/r-465514

Е.О. Княжева

МАЙСКИЙ ПЕРЕВОРОТ В СЕРБИИ 1903 Г. И ЕГО ОСВЕЩЕНИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ

Аннотация: по мнению автора, несмотря на ту негативную реакцию, которую вызвал Майский переворот 1903 г. во французском обществе, и то недоверие к взошедшей таким образом на престол династии Карагеоргиевичей, Французская республика всё же не «сожгла мосты» в отношениях с Сербским королевством. Эпоха правления славной династии, основанной Карагеоргием, ознаменовалась активным политическим, экономическим, культурным, а в Первую Мировую войну и военным сотрудничеством с Францией, открыв новую страницу в отношениях двух стран.

Ключевые слова: Сербское Королевство, переворот, офицерский заговор, французская пресса, Сербско-Французские отношения.

Е.О. Knyazheva

MAY COUP IN SERBIA IN 1903 AND ITS COVERAGE BY THE FRENCH PRESS

Abstract: according to the author, despite the negative reaction of the may coup in 1903 in French society, and the distrust thus ascended to the throne of the dynasty of Karadjordjevic, the French Republic is still not “burned bridges” in relations with the Serbian Kingdom. The reign of the glorious dynasty, founded by Karageorge, was marked by active political, economic, cultural, and in the First World War and military cooperation with France, opening a new page in relations between the two countries.

Keywords: Serbian Kingdom, the coup, the officers' conspiracy, the French press, Serbian-French relations.

Майский переворот 1903 года стал знаменательным событием для Сербского Королевства. 29 мая (11 июня по новому стилю) было совершено жестокое

убийство сербского короля Александра Обреновича и его супруги Драги, а также некоторых министров. Нападение было совершено группой офицеров-заговорщиков, которые ворвались в королевский дворец в Белграде и убили царскую чету. Изувеченные тела жертв были выброшены из окна во двор. Таким образом, произошло свержение династии Обреновичей, правившей Сербией с 1830 г., когда турецкий султан признал в качестве официального правителя Милоша Обреновича. В результате государственного переворота 1903 г. новым королём стал представитель соперничавшей династии Пётр Карагеоргиевич – его потомки будут возглавлять государство формально до 1945 г., когда Королевство Югославия станет Социалистической Федеративной Республикой Югославия.

Жестокое убийство королевской четы вызвало море негодования и осуждения в правящих европейских кругах и европейской общественности. В прессе появлялись статьи, в которых подчёркивался «зверский» характер совершённых заговорщиками убийств. Первые страницы газет выходили с ужасающими картинками, на которых офицеры расправлялись с королём и королевой и их министрами. Одной из первых стран, откликнувшихся на Майский переворот, была Франция, обладавшая к началу XX в. одной из наиболее читаемых во всей Европе прессой.

Источниками для нашего исследования были выбраны статьи из передовых французских ежедневных газет начала XX века, которые были известны и любимы не только в самой Франции, но и за её пределами. Бóльшая часть исследуемых нами статей написаны фактически по одной схеме: введение читателя в проблему, кусочки из интервью с различными сербскими представителями правительства или общественности либо записи французских корреспондентов, находящихся «на месте событий», размышления о причинах и прогнозах-последствиях (обычно крайне неутешительных) государственного переворота и восшествия на престол Петра Карагеоргиевича.

Одной из самых популярных французских газет на рубеже XIX–XX вв. была газета «Le Petit Parisien» («Пти Паризьен» – в переводе «Маленький Парижанин»). Её первый номер вышел в свет 15 октября 1876 г., а основателем газеты

стал журналист, юрист и политик Луи Андре (1840–1931), который по совместительству был также начальником полиции Парижа. Однако в то время газета только начала завоевывать любовь читательской аудитории. Настоящей популярностью «Le Petit Parisien» стал пользоваться с 1884 г., когда её возглавил Жан Дюпьи, занимавший высокое положение в политических кругах Франции – он был сенатором, министром сельского хозяйства, торговли и промышленности. Изучив опыт массовой прессы в различных странах Европы и в США, Дюпьи реорганизовал содержание «Пти Паризьен», что благотворно повлияло на его популярность – для привлечения внимания в газете на её страницах Дюпью стал проводить различные викторины и конкурсы. Его примеру вскоре последовали прочие влиятельные французские газеты. К 1900 г. газета достигла своей максимальной популярности – миллионного тиража. «Le Petit Parisien» активно читался не только в городах, но и провинции и не имел какой-то определённой ориентации на ту или иную политическую партию, что также являлось в то время новинкой в прессе и позволяло газете не платить дополнительный налог за «политизированность». «Маленький Парижанин» ориентировался на непосредственное освещение сенсационных новостей, что позволяет нам говорить о большей доле объективности в его статьях. Цена газеты была стандартной – пять сантимов.

Кроме того, в 1889 г. был напечатан первый номер иллюстрированного дополнения к «Le Petit Parisien», которое выходило каждое воскресенье вплоть до 1912 г. Номер от 28 июня 1903 г. в качестве своей обложки имел красочное изображение Майского переворота в Сербии, а на первой странице было данное краткое описание причин насильственной смены династий. Обложка этого номера сыграла свою немаловажную роль в утверждении европейской общественности в жестокости сербского народа и в формировании прочного образа Балкан как полуострова варварства и беззакония.

На рубеже XIX– XX вв. французская политика приобретает новый формат и выходит на страницы газет и журналов – политические партии и течения

начинают издавать политическую прессу, во многом освещавшую происходившие в мире события под углом зрения той или иной идеологии.

Самой крупной и влиятельной «правой» газетой была «L'Echo de Paris» («Эко де Пари» – «Эхо Парижа»), издававшаяся с 1884 г. Основателем её стал журналист Фернан Артюр Пьер Ксо, предоставив консерваторам и правым националистам поле для своей политической пропаганды и осуждения сербского государственного переворота. Однако следует признать, что «L'Echo de Paris» осудила переворот, однако без фанатизма, отдав в своих статьях должное тому, что это было желанием сербского народа, угнетённого политикой Обреновичей – в этом проявился националистический характер газеты. К 1914 г. тираж «L'Echo» достиг 120 тыс. экземпляров, что для политической газеты того времени было существенно. Продавалась по пять сантимов.

Крупнейшей «левой» газетой на рубеже XIX–XX вв. была «Le Radical» («Ле Радикаль» – «Радикал»), основанная Анри Маре в 1881 г. К концу XIX в. её тираж достиг почти 90 тыс. экземпляров. Выступая рупором социал-демократической партии, газета, однако, не оправдала своего названия, выступив в едином русле с прочими французскими газетами в её отношении к Майскому перевороту. Продавалась по той же цене, что и «правое» «Эхо» – пять сантимов.

В 1880 г. была основана ставшая впоследствии крупнейшей католической газетой Франции – «Le Croix» («Ле Круа» – «Крест»), которая выходит до настоящего времени, являясь одной из старейших французских газет. «Le Croix» не придерживался напрямую какой-либо политической ориентации, однако выражал отношение римско-католической церкви на происходящие события во всей Европе. Католический характер газеты и обусловил острые замечания в статьях, посвящённых Майскому перевороту. Стандартная цена – пять сантимов.

Таким образом, нами были выбраны наиболее популярные газеты, отражавшие различные политические и идеологические ориентации французского населения, что позволило нам более полно рассмотреть общую картину того, как отреагировала Франция на Майский переворот в королевстве Сербия.

Обзор историографии

Работ, посвящённых непосредственно освещению Майского переворота 1903 г. французской прессой, к сожалению, пока нет. Однако существует довольно широкий круг исторических работ, авторы которых обращаются к рассмотрению причин Майского переворота, офицерского заговора и последующих действий нового правительства во главе с Петром Карагеоргиевичем. Часто в таких трудах сравниваются и противопоставляются две сменяющие друг друга династии – Обреновичи и Карагеоргиевичи. В некоторых работах даётся ёмкий, общий обзор той реакции в европейском обществе, которую вызвало убийство королевской четы и их чиновников. В частности, эта проблема была освещена О.И. Агансон в статье «Влияние Майского переворота 1903 г. в Сербии на расстановку сил в Балканском регионе» [2], где исследователем были рассмотрены внешнеполитические предпосылки насильственной смены сербской династии и то, как такие политические изменения на Балканском полуострове были восприняты великими державами, остро заинтересованными беспокойным регионом – Россией, Австро-Венгрией и Великобританией. Ольга Игоревна, пользуясь источниками разного характера (как дипломатическими документами, так и передовой прессой того времени), подчёркивает неоднозначность в оценке великими державами произошедшей смены династии в Сербии, что было во многом связано с той внешнеполитической линией, которую проводили государства. И хотя реакция Третьей Республики не являлась предметом исследования, О.И. Агансон отмечает, что после 1903 г. Сербия стала стремиться к более тесному сотрудничеству с Францией, пытаясь таким образом найти себе опору среди западноевропейских держав для осуществления собственных национальных интересов.

Другая статья О.И. Агансон «Великие державы и малые страны в пространстве Балкан: поиск модели взаимодействия (по материалам британской прессы)» [1] также посвящена рассмотрению реакции политиков и общественности на события, происходившие на Балканском полуострове на рубеже веков, но уже непосредственно на материале британской прессы. Как нам кажется, наше исследование будет в какой-то степени дополнять труд Ольги Игоревны, так как нами

будут рассматриваться те же события, но отражённые во французской прессе. Рассмотрение позиции Великобритании и Франции на происходившие в Сербии события дают более полную картину того, какие изменения происходили в королевстве при смене династий.

К непосредственному рассмотрению сербско-французских отношений и французского влияния на различные сферы жизни Сербии XIX-начала XX вв. обращается сербский исследователь Душан Батакович в своей статье «Французское влияние в Сербии в 1835–1914 гг. Четыре поколения «Парижан» [9]. Так называемые «Парижане», т.е. члены сербской национальной элиты, получившие высшее образование в Париже и глубоко любившие Францию, сыграли важнейшую роль в формировании сербской политической системы – начиная с появления собственного аналога Парламента – Скупщины, вплоть до внедрения французского языка не просто в качестве языка дипломатии, а даже на бытовом уровне. Таким образом, сербский историк всячески подчёркивает то, что Сербия, со дня получения статуса автономии и вплоть до начала Первой Мировой войны, во всех отношениях ориентировалась на Францию как на политический идеал, к которому следует стремиться и с которым следует всячески сотрудничать. Как раз это сотрудничество и породило такой горячий отклик на события в Сербии в начале XX в., который мы наблюдая, читая страницы французских передовых газет.

Среди используемых нами работ следует выделить отдельную группу исследований общего характера: коллективная работа «Балканский узел» [4], посвящённый общей истории Балканского полуострова новейшего времени, коллективный труд «Листая страницы сербской истории...» [6], представляющий собой обобщённую историю Сербии, и статья П.А. Искендерова «Сербия при Обреновичах» [5], рассматривающая интересующий нас период в сербской истории. Все эти работы помогают представить то, в каких условиях произошёл Майский переворот, что послужило объективными предпосылками для его проведения и каковы были политические, экономические и культурные изменения в Сербии и вообще на Балканах при восшествии на престол династии

Карагеоргиевичей. Общее в этих исследованиях – то, что историки, хотя и осуждают жестокость Майского переворота, однако подчёркивают те причины, которые действительно на тот момент указывали на близкий конец династии Обреновичей, обусловленный недовольством глав великих держав и всех слоёв сербского общества.

«Человек на Балканах: Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг.» [8] – также обобщающая коллективная монография, но мы видим целесообразным рассмотреть её отдельно, так как этот труд посвящён не собственно рассмотрению исторических событий, а скорее некоторым размышлениям над особенностями политического развития Балканского полуострова. Развитию сербской государственности в исследуемый нами период посвящена глава II, написанная А.Л. Шемякиным, «Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918): между «национальным идеалом» и «гражданским обществом» [10, с. 169–261]. Исследователь, рассуждая об особенностях политического развития Сербии, делает неутешительный вывод: «...насилие в различных его проявлениях (причём и «сверху», и «снизу») являлось важнейшим фактором политического развития независимой Сербии...» [10, с. 198.]. Интересно, что к такому заключению, как нами будет рассмотрено в последующих главах, приходили и французские журналисты, бывшие непосредственными очевидцами событий на Балканах начала XX в.

При выборе источников к нашему исследованию и для более правильного их понимания мы использовали учебное пособие В.Е. Аникеева «История французской прессы (1830–1945)» [3], где даётся характеристика и краткая история передовых французских газет, а также «Историю зарубежной журналистики. 1800–1929» [7] Г.В. Прутцкова для понимания общей картины того, как развивалась западноевропейская пресса на рубеже веков.

Таким образом, рассмотрев статьи и монографии, используемые нами при работе над данным исследованием, мы можем приступить к непосредственному

рассмотрению того, как освещались Майский переворот, его причины и последствия во французской прессе.

Глава 1. Сербское Королевство накануне Майского переворота 1903 г. – Причины переворота. – Офицерский заговор. – Осуществление государственного переворота.

Ещё в последней четверти XIX в. в Сербии появился раскол в политических и общественных кругах. Шло соперничество между двумя династиями: династия Обреновичей выступала за модернизацию страны по западному образцу, в то время как династия Карагеоргиевичей, снискавшая своими идеями поддержку населения, выступала за сохранение традиционности в политической и культурной жизни Сербии: в политическом аспекте предполагалась ориентация на большого сербского брата – Россию; в культурном – традиционная приверженность православному «старосербскому» укладу. В отличие от Карагеоргиевичей, Обреновичи не имели желания искать поддержки у России, а выступали за близкое сотрудничество с западным соседом – Австро-Венгрией. Такое неравное сотрудничество стало как торговым, так и политическим уже с последней четверти XIX в.: так, 6 июня 1881 г. между Сербией и Двуетидной монархией был подписан торговый договор, «предоставлявший таможенные льготы сербскому сельскохозяйственному экспорту в монархию Габсбургов и открывавший сербский рынок для товаров австро-венгерской лёгкой индустрии» [11]; вслед за торговым соглашением была заключена Тайная конвенция (28 июня), в которой сербский князь Милан Обренович (отец убитого в 1903 г. Александра Обреновича) обязался не проводить внешней политики без предварительного совещания с Веней, за что получил санкцию на территориальное расширение в южном направлении (Македония), отказавшись от претензий на Боснию и Герцеговину и Ново-Пазарский санджак [11]. 6 марта 1882 г. сербский монарх был вознаграждён за такую преданность: при поддержке Франца Иосифа I балканское государство было признано королевством.

Важным вопросом, который усугублял соперничеством между двумя династиями, стал территориальный, наиболее остро проявившийся после подписания

Берлинского трактата 1 (13) июля 1878 г. и последующего за ним трагического для сербского народа события, а именно оккупации Двуетиной монархией Боснии и Герцеговины – области, в которой проживала значительная часть сербского населения. Таким образом, «в представлении сербов данное обстоятельство свидетельствовало о незавершённости процесса национального освобождения и объединения» [1, с. 79], так как большинством населения предполагалось, что в состав Княжества (с 1882 г. – Королевства) обязательно должно входить сердце средневековой Сербской державы – Старая Сербия (Косово, Метохия, Санджак и Вардарская Македония). Обе династии понимали, что этот вопрос необходимо решить, но Обреновичи ждали поддержку от Австро-Венгрии, а Карагеоргиевичи ориентировались на Россию. В результате австрофильской политики Милана Обреновича, Сербия с молчаливого согласия Вены в 1885 г. начала неудачную и непопулярную в народе войну против Болгарии (Сербо-болгарская война 1885–1886 гг. последовала за переворотом 18 сентября 1885 г. в Восточной Румелии, в ходе которого болгарским князем Александром Баттенбергом было провозглашено объединение обоих государственных образований в единое Болгарское княжество), в итоге оказавшись жертвой своей же агрессии. «От полного разгрома в этой кампании Сербию спасло энергичное вмешательство Австро-Венгрии» [1, с. 80].

Австро-Венгрии не было выгодно расширение территории Сербии и упрочнение её мощи – Двуетиная монархия хотела иметь на Балканах марионеточное государство, которое могло бы служить для неё опорой в распространении своего влияния на полуострове. К концу века Александр Обренович (король Сербии в 1889–1903 гг.) стал это осознавать и постепенно отходить от проавстрийских позиций, обратив свой взор на Россию. Нельзя сказать, что Александр III был этому очень рад: к тому времени «большой славянский брат», немного «охладев» к Балканскому региону, был нацелен на проведение активной дальневосточной политики. Таким образом, ссориться с Двуетиной монархией не хотелось. Однако России всё же пришлось вмешаться в балканские перипетии, так как инертность грозила потерей стратегических позиций на полуострове в пользу Австро-

Венгрии. «Так, при непосредственном вмешательстве России митрополитом в Скопье был выбран серб Фирмилиан... Вена и Петербург отводили Сербскому королевству важное место в своей балканской политике» [1, с. 81]. Таким образом, внешняя политика Сербского княжества при династии Обреновичей на рубеже XIX–XX вв. отличалась крайней непоследовательностью, что не могло не вызывать раздражения как во внешнеполитических кругах, так и у сербской общности.

Внутренняя политика Обреновичей была ещё более противоречивой, чем внешняя. Милан Обренович сам был личностью довольно скандальной, к которому сербское общество относилось поначалу с симпатией, впоследствии, правда, его политика стала вызывать недоумение и раздражение в обществе, особенно это касалось его шагов по направлению к сотрудничеству с монархией Габсбургов. Милан вызывал недовольство народа полным презрением к любым проявлениям национальных чаяний, однако, как отмечает «L'Echo de Paris», «общественное мнение было признательно королю Милану, который спровоцировал русско-турецкую войну 1877 г., объявив сначала сам войну Турции в 1876 г.» [12]. Благодаря победе России, в Берлинском трактате объявлялось о независимости Сербского княжества. В этом и была причина того, что Милана сербский народ хотя и не очень любил, но всё же оставался долгое время благодарен ему. Однако с каждой новой правительственной ошибкой ситуация усугублялась.

Скандалом, который «переполнил чашу терпения и определил его (*К.Е. – короля Милана*) отречение» [12] стал объявленный 24 октября 1888 г. его развод с женой Наталией, которая была сторонницей укрепления связей с Россией [13]. Как отмечает Пётр Искендеров: «...развод усилил оппозицию его власти, ибо отличавшаяся завидными внешними данными и решительным характером королева пользовалась поддержкой влиятельных кругов в стране» [11, с. 172]. В этом же году Милан Обренович созвал Конституционную ассамблею для подготовки проекта основного закона страны, которая заседала с 21 декабря 1888 по 2 января 1889 г. Уже 6 марта 1889 г. сербский король, не посоветовавшись ни с кем, отрекся от престола в пользу своего малолетнего сына Александра, которому на

тот момент было всего тринадцать лет, вверив до его совершеннолетия управление страной Регентскому совету [11, с. 173].

Итак, Александр Обренович в 1889 г. формально стал королём Сербии. Бывшая же королевская чета покинула страну, однако за всё время правления их сына они несколько раз возвращались в Белград, вызывая широкое негодование общественности и всего народа.

Политика Александра Обреновича была ещё более лихорадочной, чем отцовская. Новый король не мог никак определиться, с какой же страной ему лучше сотрудничать: Австро-Венгрией или Российской империей. Он пытался «погнаться за двумя зайцами», стараясь выиграть от «дружбы» то с той, то с другой стороной, однако такая неопределённость, в конце концов, окончилась неудачей. И в попытках установить дружбу Александр был непоследователен: он проявлял такие рьяные чувства то по отношению к Двуетной монархии, то по отношению к Российской империи, что даже пугал правительства своих потенциальных, как ему казалось, союзников. «Его откровенные заявления о безусловной поддержке Сербии со стороны Вены подчас приводили в замешательство искушённых дипломатов Бальхаусплатца, как это было, в частности, с его публичным заявлением в августе 1899 г., что «враги Сербии являются врагами Австро-Венгрии» [111, с. 176]. В конце концов, постоянные метания от одного монархического «брата» к другому окончились тем, что оба оказались не заинтересованы в осуществлении каких-либо общих операций с династией Обреновичей. Так, когда Александр предложил Францу-Иосифу организовать встречу, на которой сербский монарх хотел бы обсудить возможность создания антиболгарской лиги (таким образом сербский король пытался «решить» македонский вопрос), австрийский император отказался приехать для обсуждения данного вопроса, так как «уже был сыт по горло непредсказуемыми метаниями сербского короля» [11, с. 177].

Александр Обренович не любил вникать подробно во все внутривосточные перипетии, поэтому, видя разногласия в правящих кругах, он указом 13 апреля 1893 г. просто арестовал членов правительства и распустил Скупщину. Это

вызвало негативный взрыв общественности. Представители высших кругов офицерства и интеллигенции в один голос ругали нового короля за его деспотизм. Дальше – хуже.

21 мая 1894 г. Александр отменил конституцию, принятую при его отце, восстановив основной закон страны от 1869 г. Тогда же начались преследования прессы, была организована жестокая цензурная кампания, однако общественность продолжала нагнетать и без того горестное положение в стране своими нападками и жалобами на правящую династию. Усилились гонения на радикально настроенных общественных деятелей. Один скандал сменял другой.

Очередным шоком для всей страны стала женитьба Александра Обреновича на Драге Машинной, которая служила фрейлиной у его матери. Ни Милан, ни Наталья не одобряли выбор сына. Драгу в широких общественных кругах называли женщиной, отличавшейся «отсутствием каких-либо ограничителей морального свойства» [11, с. 176], и даже во французских газетах отмечалось, что репутация этой женщины «не была свободна от подозрений, вполне оправданных» [14]. Однако, несмотря на все протесты, 5 августа 1900 г. было официально объявлено об их женитьбе. После свадьбы Драга не изъявила желаний как-то исправить тот довольно гнусный образ, который стал одной из излюбленных тем в западноевропейских статьях о Сербии. Наоборот, новоиспечённая королева своими действиями всячески его подтверждала; более того, благодаря протекции королевской четы, два родных брата Драги Николай и Никодим, оба лейтенанта, получили хорошие назначения на военной службе и «требовали от превосходящих их по званию знаки уважения, которые редко расточают перед принцами королевских кровей» (Ibid). Ходили даже слухи о том, что королева убедила Александра обещать ей назначить своим преемником брата Николая, вопреки воле правительственных кругов и сербского народа – участники будущего государственного переворота восприняли этих слухи очень серьёзно и впоследствии отмечали такое самовольное определение королевского преемника одной из причин заговора. Ещё одной характернейшей чертой Драги, вызывающей всеобщее раздражение, была её расточительность. Во французских газетах отмечалось, что

« королева... купила великолепный отель в Брюсселе и собирается купить ещё один... в Париже... за три года она накопила сумму в одиннадцать миллионов франков, помещённых ею в различные иностранные банки», да и сам король «был должен сербской казне сумму в четыре миллиона» (Ibid). Пока королевская чета копила деньги в европейских банках и покупала отели за счёт своего же королевства, «чиновники, офицеры, солдаты национальной армии не получали жалования» [15]. В дополнение ко всему вышесказанному, чтобы как-то наладить отношения с сербской общественностью и простым народом, королевская чета не придумала ничего лучше, чем распространить в 1901 г. фиктивную историю о мнимой беременности Драги – правда вскоре раскрылась – накал между правительством и обществом возрос.

Таким образом, политика Александра Обреновича отличалась не только лихорадочностью, но и большой долей деспотичности и своеволия, к тому же его репутацию сильно портили положение и действия его жены Драги и её родственников. Да и мог ли уверенно и успешно управлять государством тот монарх, который сам говорил про народ, находящийся под его непосредственным управлением: «Я огорчён и разочарован, – говорил он, – с этими чёртовыми крестьянами ничего нельзя сделать» [16]. Сербское общество осознавало то отношение, с которым Александр пытался управлять «деревенским» народом; и сам собой напрашивался следующий вывод: как сербы могут любить и почитать того монарха, который их ни во что не ставит. Причём своё отношение к королю сербы также не пытались скрывать, что в том время было подмечено даже иностранными путешественниками. Так, англичанка Мэри Дэрэм, побывав на Балканах в 1902 г., в своих путевых заметках отмечала: «во всей Сербии я не слышала о короле ни одного доброго слова. Он скорее безумен, нежели порочен – это лучшее, что о нём говорят. По отношению к нему я не видела ничего, кроме презрения...» [16].

Несмотря на все факты, непосредственно указывающие на неприязненное отношение к Сербии и к сербскому народу Александра и Драги, французские газеты, хотя и отмечали правительственные ошибки последнего из Обреновичей и

его отца, зачастую осуждали простых сербов в их «несправедливом» отношении к королю: так, «Le Petit Parisien» оправдывает неспособность Александра управлять государством следующими факторами: плохим образованием, напряжённой атмосферой в семье и при дворе, которой он был окружён с самого рождения и которое сделало его впоследствии недоверчивым и хитрым, а также плохой физиологической наследственностью. К этому всему французский журналист, называя Александра не иначе как «несчастный принц», добавляет то, что при вступлении его на престол, сербский народ стал ожидать немедленного улучшения внутренней и внешней политики государства, улучшения собственного экономического и социального положения – однако новый король не оправдал надежд; и к нему на плечи, помимо собственных прегрешений, легли тяжким грузом ошибки отца – и в конце концов, «ненависть, долгое время сдерживаемая, вдруг заявила о себе» [17].

О неприязненном отношении сербской политической элиты и большей части всей сербской общественности к Александру Обреновичу мы узнаём во всей полноте из различных статей французской прессы. Так, в интервью с французским корреспондентом Йован Авакумович, вставший сразу после государственного переворота во главе временного правительства, характеризует Майский переворот следующим образом: «Это было действие, безусловно, жестокое, кровопролитное, прискорбное, однако, необходимое»; и непосредственно говоря о правящей чете: «Король Александр и королева Драга... стали жертвами своих собственных действий, в одной из революционных судорог, которые часто генерируются молодыми народами» [14]. Й. Авакумович часто в интервью называл короля Александра «деспотом», осуществлявшим «произвол» над населением. Таким образом, сербская политическая элита во многом осознавала, что государственный переворот стал вынужденной и неизбежной мерой, совершённой изнурённым народом, который надеялся на лучшую жизнь при новом монархе: «страна доверчива, она очень любит нового суверена и ожидает, что король Пётр, более мудрый..., чем его предшественник, привнесёт дух свободы, мира и работы» [14].

Газета «La Croix» делает интересное предположение относительно причин Майского переворота, обращаясь к истории династии Карагеоргиевичей, основанной Карагеоргием – «освободителем Сербии»:

«Когда Сербия была объявлена королевством, члены этой семьи (*К.Е. – Карагеоргиевичей*) ожидали, что корона будет передана одному из них. Вопреки их чаяниям, королём был избран один из Обреновичей. – Стало ли это причиной случившейся революции (*К.Е. – революцией (!) – Майский переворот во французской прессе часто назывался революцией; на самом деле, это, конечно, не революция, а государственный переворот*)? – Возможно.» [18].

Таким образом, существовало мнение о непосредственной причастности соперника Обреновичей – династии Карагеоргиевичей в насильственном перевороте. В защиту Карагеоргиевичей следует отметить, что такие предположения не имели под собой никаких оснований, так как заговорщики, хотя действительно перед переворотом установили контакты с Петром Карагеоргиевичем, находившемся тогда в эмиграции в Вене, однако поставили его уже перед фактом того, что группа офицеров хочет смены правящей династии.

Некоторыми современными историками были проведены исследования, которые показали непосредственное участие масонских лож в Майском перевороте:

«Например, из участников заговора 1903 года масонами были торговец Никола Хаджи Тома, адвокат Алекса Новакович, поручик Божин Симич, капитаны С. Шапинац, М. Милованович. Известно, что многие сербские масоны находились под покровительством французской ложи «Великий Восток». Часть участников дворцового переворота были членами ложи «Объединение», основанной в 1903 г. в Белграде сербскими и французскими «вольными каменщиками» [4, с. 14].

Таким образом, офицеры (по крайней мере, существенная их часть), осуществившие Майский переворот, принадлежали к масонским ложам, имевшим свои центры в западноевропейских странах, что открывает перед нами некоторую

перспективу для исследования зарубежного «вклада» в смену династий в Сербии.

1903 г. – не случайно именно тогда был совершён государственный переворот. «Начало 1903 г. было отмечено ужесточением режима: король приостановил действие Конституции 1901 г. (Е.К. – которая стала вынужденным шагом для Александра, пытавшегося утихомирить радикальные силы, особо бушевавшими после свадьбы короля), распустил Скупщину, ограничил основные демократические свободы. Авторитарные меры Александра вызвали протесты общественности, которые были пресечены властями» [2, с. 81]. Интересна была реакция двух империй, имевших огромное влияние на внутреннюю жизнь Сербского королевства – России и Австро-Венгрии. Ни Габсбурги, ни Романовы, ранее беспрепятственно вмешивающиеся во внутреннюю политику балканских государств, когда это было необходимо для проведения собственных интересов, на сей раз никаким образом не помешали оппозиционным силам в королевстве составить и осуществить заговор.

Николай II не доверял последним Обреновичам, постоянно колеблющимся в выборе союзника между Россией и Австро-Венгрией; кроме того, русский МИД, наблюдая протесты общественности внутри королевства, сделал «очевидный вывод: политика короля не пользуется поддержкой основной массы населения» [2, с. 82]. К тому же, представители династии Карагеоргиевичей позиционировали себя в качестве союзников России – что не могло не вызывать симпатий к ним со стороны российского правительства. И действительно, получив корону Сербии, Пётр и высшие правительственные чиновники неоднократно заявляли о необходимости сближения с Россией; по словам Й. Авакумовича, высказывающегося от лица всего сербского народа, «мы и русские имеем одно происхождение, мы говорим почти на одном языке» [15].

Дуалистическая монархия также была раздражена неопределённостью во внешней политике Обреновичей. К тому же Александр проявлял в своих правительственных действиях всё большее своеволие: пиком стало его желание самостоятельно назначить себе приемника, согласовав свой выбор исключительно

внутри государства – с высшими государственными инстанциями (Государственным Советом, членами Скупщины, митрополитом Сербским, представителями кассационного и апелляционного судов). Александр видел в качестве своего приемника одного из представителей черногорской династии Петровичей-Негошей, что, в свою очередь, привело бы к ещё большему сближению двух братских государств, а, возможно, и к их слиянию в единое королевство, что усилило бы стратегические позиции Сербии в регионе – это был самый неприятный исход, который могла себе представить Австро-Венгрия, ведь она до этого так старательно вытесняла Россию с Балкан и, естественно, не хотела терять собственное влияние на полуострове. Пётр Карагеоргиевич считался австрийскими правительственными кругами наиболее благоприятным претендентом на сербский престол: он не только родился в Двуетной монархии и некоторое время проживал в её столице, но и проявлял некоторую симпатию к Австро-Венгрии.

Таким образом, оппозиционеры получили фактически карт-бланш на осуществление заговора; «очевидец событий Д. Васич отмечал, что в России и Австро-Венгрии должны были положительно отнестись к такому повороту в политической жизни Сербии: первая никогда не симпатизировала династии Обреновичей, вторая только и ожидала европейского мандата на урегулирование обстановки в беспокойном регионе» [2, с. 82].

Утром 29 мая 1903 г. (11 июня – по новому стилю) был осуществлён государственный переворот, проведённый группой офицеров-заговорщиков.

В газете «Le Petit Parisien» в статье от 18 июня 1903 г. было приведено интервью французского корреспондента с одним из заговорщиков. Естественно, его личность никоим образом не разглашалась. Благодаря его рассказу, мы можем достаточно достоверно проследить то, как происходил Майский переворот – «кровавая трагедия, которая взволновала весь мир», «историческая ночь» [14]. Заговорщики собрались в офицерском казино Белграда в два часа ночи. Они были вооружены и в приподнятом настроении. Часть офицеров опоздала на встречу в казино и расположилась в кафе около парка Калимегдан. В назначенный час они двинулись к Конаку (дворцу) княгини Любицы, где находилась

королевская чета, и окружили его. Главой заговора, по утверждению одного из офицеров-участников, был Драгутин Дмитриевич (ставший, кстати, впоследствии руководителем националистической организации «Чёрная рука»), ожидавший офицеров уже в королевской резиденции. Интересно, что во французских газетах даются разные имена предполагаемых глав заговора. Однако ещё тогда было установлено то, что заговорщики были офицерами из шестого полка, «носящего имя короля Румынии, которым командовали... полковники Мишич и Машин» [12]. Брат последнего был первым мужем королевы Драги.

Итак, заговорщики ворвались во дворец, убив при этом нескольких военнослужащих, охранявших его. Пока офицеры искали королевскую чету, прятавшуюся в специальной комнате за потайной дверью, ими было убито несколько высокопоставленных чиновников, оказавшихся на их пути, например, председатель Государственного Совета, военный министр и Лазарь Петрович, друг, камердинер, ближайший советник и помощник короля, который, как это часто бывает, и выдал местонахождение Александра и Драги, указав заговорщикам на кнопку, открывавшую потайную дверь. По утверждению французских корреспондентов, заговорщики поначалу, угрожая королю, заставляли его подписать отречение, но он отказался это сделать и убил выстрелом из револьвера офицера Раумовича, после чего королевская чета была убита. Тела были выброшены через окно в сад. Один из заговорщиков, у которого брал интервью «Маленький Парижанин», вспоминал все эти события с ужасом.

Когда рассвело, они побежали из Конака на улицу, «глупые, возбуждённые, крича, как демоны: «Александр мёртв, да здравствует Карагеоргий, король Сербии»; «толпа приветствовала его имя» [14]. По свидетельству «L'Echo de Paris»:

«...народ принял новость о государственном перевороте с радостью. Суматоха и скопление людей на улицах Белграда росли с каждым часом... Шёл проливной дождь, тысячи людей ждали на улицах рядом с замком... У армейцев уже не было знаков отличия с вензелем Александра... Группы молодых людей, размахивая флагами, бежали по улицам с криком: «Vive Карагеоргиевич!». Почти на всех домах в Белграде были вывешены флаги, но не чёрные...» [12].

Таким образом, народ поддержал выбор армии – на место ненавидимого почти всем сербским народом Александра Обреновича пришёл представитель другой древней сербской династии – династии Карагеоргиевичей. Буквально через две недели Пётр стал официальным королём Сербии. По свидетельству французской прессы, на улицах устраивались факельные шествия, отовсюду доносились звуки военных торжественных песен, соборы и монастыри звонили в колокола [19].

В то же время было проведено вскрытие тел убитой королевской четы, результаты которого были отмечены французской прессой. На теле Александра Обреновича было установлено 6 выстрелов из револьвера, 40 ранений от сабли; «падение трупа (дефенестрация) вызвало перелом позвоночника и черепной коробки. Тело опухло, выглядит ужасно» (Ibid).

Пока медленным ходом шло расследование совершённого преступления, новый король и его министры в короткие сроки оформляли законность передачи власти династии Карагеоргиевичей и восстанавливали пошатнувшуюся политическую структуру Королевства. Так, на страницах французской газеты «L'Echo de Paris» от 12 июня мы читаем коммюнике сербского правительства:

«Скупщина и Сенат 15 июня санкционируют посредством официальных выборов восшествие на престол принца Петра Карагеоргиевича, которого армия сегодня провозгласила королём Сербии» [12].

На 15 июня новым правительством также назначалось восстановление Конституции 1901 г., некогда отменённое Александром Обреновичем.

Пётр Карагеоргиевич написал воззвание к сербскому народу, которое также не было упущено из вида французской прессой. Король, обращаясь к своим гражданам, всячески старался подтвердить легитимность своего восхождения на престол: «я занял свободный трон»; «я надеюсь, что моё восшествие на престол, легитимное во всех отношениях, будет встречено, в том числе и за рубежом, как законное событие» [19]. Подчёркивая таким образом законность смены династий, Пётр Карагеоргиевич не раскрывает никаких подробностей этой смены и как будто вовсе не замечает самого факта насильственного переворота – это

было естественно в той ситуации, тем более что сам народ не хотел вспоминать и возвращаться к этому вопросу – граждане Сербии просто были рады, что сместили ненавистных им Обреновичей. Король Пётр пообещал быть «настоящим конституционным монархом, охранителем законов, защитником моего [его] народа и [его] родины и сыном самой истинной нашей [его и сербского народа] Православной Церкви, Pravo slavna» (Ibid).

Так, на сербский престол взошёл «второй потомок славных Карагеоргиевичей» (Ibid) (первым потомком был Александр Карагеоргиевич – сербский князь в 1842–1858 гг.), которые за почти сорок лет успеют побывать правителями трёх государств – королевства Сербии, Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС) и, наконец, королевства Югославии – до тех пор пока на Балканы не придёт Гитлер (апрель 1941 г.), который, в буквальном смысле, разорвёт новообразованную страну на кусочки, а идеологически разделит государство на противоборствующие друг другу лагеря. Однако, к счастью, в 1903 г. сербский народ не мог предвидеть трагедию, которая разразится в ближайшем будущем, и радовались возвращению на престол династии Карагеоргиевичей. Конечно, Майский государственный переворот 1903 г. был осуществлён жестоким, не имеющим никакого оправдания способом – убийством королевской четы и нескольких десятков государственных служащих. Однако политика династии Обреновичей была ужасно непоследовательной; сами правители не любили и не уважали сербский народ – что и превратило похороны короля Александра и королевы Драги в общенациональный праздник. Скупщина, распущенная последним Обреновичем, была созвана снова для избрания на сербский престол Петра Карагеоргиевича. И «его правление (с июня 1903 г. по июнь 1914 г., когда он передал королевские обязанности своему второму сыну Александру, который служил в качестве принца-регента до смерти своего отца в 1921 г.) стало известно как «Золотой Век Сербии» [20].

Глава 2. Сербско-французские отношения накануне Майского переворота 1903 г. – Освещение Майского переворота во французской прессе.

Франция и Сербия в конце XIX – начале XX вв. были тесно связаны в экономической, политической и культурной сферах. Эта связь берёт своё начало в первых десятилетиях существования Сербского княжества, когда Франция становится для ведущих политических кругов государства оплотом демократии, на которого надо равняться. Французская республика, казалось тогда, аккумулировала в себе достижения мировой цивилизации и плоды культурного развития – настоящий идеал для молодого государства, в котором пробудились внутривнутриполитические процессы после долгой спячки под турецким «игмом». Особо привлекателен для Сербии, пока что только автономной, но стремившейся к обретению статуса абсолютно независимого государства, был образ революционной Франции, которая «благодаря революциям 1830 и 1848 гг. и установлению Второй, а затем Третьей Республик стала постоянным источником вдохновения для всех политических реформаторов в Сербии в XIX и начале XX вв.» [21]. Таким образом, Сербия, пробивая себе путь к демократии, знала, на какие образцы ей следует ориентироваться.

Французское влияние всё активнее проникало в различные аспекты политической, экономической и культурной жизни Сербии. После подписания Парижского мирного договора в 1856 г., который довольно значительно отодвинул на второй план Россию в качестве влиятельного политического игрока на Балканском полуострове, Франция стала играть одну из важнейших ролей в данном регионе – с этого времени французское присутствие начинает отчётливо проявлять себя в деле формирования политической машины княжества, наряду с такими европейскими лидерами, как Австрия и Великобритания. Во-первых, как отчётливо подчёркивает ряд современных исследователей, именно из Франции в Сербию «пришла» многопартийность, официально установленная в 1881 г, когда был принят Закон о Свободе Ассоциаций и Организаций [22]. Во-вторых, благодаря совместному влиянию Франции и Англии, в балканском княжестве в 1858 г. был принят закон о Великой Народной Скупщине (*Velika narodna skupština*) – так появился балканский аналог западноевропейскому парламенту. Впоследствии Конституция 1901 г. установит двухпалатную Скупщину.

Французское влияние проникало на полуостров благодаря тому, что значительная часть представителей из различных политических партий Сербии (либеральной, прогрессивной и радикальной) была представлена людьми, получившими высшее образование во Франции, любившими её и считавшими, что Сербии есть чему поучиться у Третьей Республики. «Франкофилы во всех политических партиях Сербии были хорошим показателем распространения французского влияния – как в отношении присутствия французских идей, так и в прямой или скрытой поддержке сербского общества...» [23]. Таким образом, политические партии Сербии были исключительным явлением на Балканах, являясь партиями западноевропейского образца.

Влияя на становление политической системы в Сербии, Франция имела также активное экономическое и культурное сотрудничество с молодым балканским государством. Как нами уже упоминалось, многие сербские политические деятели закончили высшие учебные заведения во Франции, не был исключением и король Пётр Карагеоргиевич, который был выпускником военной академии Сэнт-Кир в Париже. Французский язык становился языком интеллигенции. Так, один французский журналист, путешествуя по Сербии непосредственно перед событиями Балканской войны, отмечал:

«...если вы остановите армейского офицера и попросите его показать вам дорогу, вы услышите ответ на безупречном французском языке...несмотря на родство языков, на русском здесь говорят мало... Но французский превалирует...студенты всё чаще выбирают для изучения французский...наше [французское] «Литературное Общество» имеет большой успех» [24].

Ко всему прочему, французское влияние принесло в Сербию свободу слова – в начале XX в., а именно после Майского переворота 1903 г., мы наблюдаем беспрецедентный для Балканского полуострова того времени расцвет свободной от цензурных предписаний прессы. На страницах газет и журналов можно было прочитать переводы таких радикальных работ, как труды Луи Бланка и Карла Маркса [25].

Таким образом, Франция была поставщиком передовых политических и культурных идей для Сербии, к тому же являясь её основным экономическим партнёром. Франция находилась в постоянном взаимодействии с сербской политической элитой и интеллигенцией, и, естественно, не могла не отреагировать на Майский переворот 1903 г. Реакция Третьей Республики оказалась очень яркой: почти во всех крупнейших газетах освещалось убийство королевской четы и возвращение сербского престола Карагеоргиевичам. Фактически именно благодаря Франции вся Европа узнала подробности переворота и последующих за ним событий – и сделала соответствующие для себя выводы, сформировав мрачный стереотип Балканского полуострова, который процветает в западноевропейском общественном мнении до настоящего времени. Обратимся теперь непосредственно к тем оценкам, которые давались европейской прессой в целом и французской в частности в отношении убийства короля и смены династий.

Майский переворот 1903 г. и приход к власти в Сербии династии Обреновичей освещался в иностранной прессе довольно однобоко – не только западноевропейские страны, но и «большой славянский брат» Россия наперебой писали о жестокостях, учинённых над королевской четой и государственными чиновниками, часто утверждалось, что ярость, ненависть и жажда мести – характерные черты сербского в частности и вообще балканского характера. Из Сербии в скором порядке были отозваны дипломатические представители. Ещё одним поводом к осуждению «пороховой бочки Европы» стало назначение участников офицерского заговора на высшие государственные должности: Й. Авакумович стал главой правительства, Дж. Генчич – министром народного хозяйства, А. Машин – министром строительных работ, Й. Атанацкович – военным министром. Таким образом, получалось, что Пётр Карагеоргиевич не только пришёл к власти незаконным, насильственным путём, так ещё и в полной мере вознаградил своих приспешников – убийц королевской четы.

Среди наиболее громогласных рупоров встревоженной Европы были Франция и Великобритания, которые выпускали к тому времени газеты и журналы, любимые как внутри самих государств, так и за их пределами. В статьях

виднейших британских корреспондентов делались самые мрачные прогнозы правлению Петра Карагеоргиевича, который, по неясной причине, в скором времени должен был превратиться в «жестокого тирана». Так, например, обозревателем «The Contemporary Review» Э. Дж. Диллоном утверждалось, что Майский переворот 1903 г. не стал каким-то особенным событием для сербской политической жизни, которая всю свою историю отличалась частыми государственными переворотами и дворцовыми интригами; однако всё равно убийство королевской четы бросило тень на балканские государства, показав южных славян «кровожадными, вероломными головорезами, не лучше, чем турки» [1, с. 272]. «The Times», как это отмечалось во французской прессе, осуждал европейские правительства за их «терпимость» в отношении совершённого государственного переворота и заявлял: «Остаётся только наблюдать, принесёт ли семя, посеянное в ту ночь ужаса, горькие плоды, и не пожалеют ли европейские правительства» [19].

Естественно, сербы также читали западноевропейские газеты, объявлявшие славян дикими и жестокими варварами; это их обижало; сербские правительственные и общественные круги пытались как-то реабилитировать положение собственного народа: так, Й. Авакумович в интервью с французским журналистом часто делает акцент на том, что Европа изображает сербов «как дикарей, но это ложь» [15]. Однако эти попытки оказывались тщетны.

Франция приобщилась к единому потоку нападок со стороны западноевропейских держав. Так, «Le Petit Parisien» напрямую писал о том, что в Сербии «произошло ужасное действие, которое не скоро забудется» [17], а обложка номера «Иллюстрированного литературного дополнения» газеты от 28 июня 1903 г. изображала жестокую расправу сербских офицеров над королевской четой.

Естественно, что французская католическая газета «La Croix» заняла наиболее непримиримую позицию, яростно осуждающую убийство королевской четы и их чиновников. На её страницах заговорщики не характеризуются иначе, как «убийцы», совершившие «зверство». Сам государственный переворот

характеризуется исключительно как зверское убийство, преступление, принятое и одобренное сербским народом. Особенно показательна следующая фраза французского журналиста-католика:

«Придётся вспомнить о варварстве далёких времён, чтобы найти примеры похожего зверства» [26].

Причём автор статьи до такой степени увлёкся осуждением Майского переворота, что не только забыл о существовании действительных политических причин этого события (которые, конечно, нисколько не оправдывают убийц, но должны быть хотя бы обозначены), но, наоборот, изобразил Александра Обреновича в образе мученика судьбы, который, будучи фактически отстранён из-за тиранина-отца от своей матери королевы Наталии, «образца всех добродетелей», провёл всю свою жизнь один – фактически без семьи и без друзей, что и сыграло на руку его убийцам – ведь королевский дворец, где жила королевская чета, был «открытой цитаделью». Интересно, что журналист снова грешит против истины, ведь, как мы уже знаем, когда заговорщики пробирались в королевские покои, путь им преграждала королевская охрана. Таким образом, как бы красиво ни были написаны газетные статьи, приходится держать в голове исторические факты, чтобы не поддаваться шарму французского осуждения.

Западная Европа (в особенности такие экономически и политически развитые страны, как Франция и Великобритания) никогда не хотела признавать того факта, что Балканский полуостров географически относится к Европе. Это отношение красной нитью проходит через статьи французских журналистов о Майском перевороте. Так, отмечалось: «раз железные дороги и телеграф сблизили расстояния, то Сербия стала менее от нас удалена, но она более привязана к Востоку, нежели к Европе. И с тех пор нас всё меньше удивляют насильственные действия...» [17].

По мнению представителей всех слоёв французской общественности, будь они правыми или радикал-социалистами по своим политическим убеждениям, Франция и остальные западноевропейские страны – это отдельный мир, процветающая Европа, в которой трудно себе представить, чтобы происходили

«зверства», подобные тем, что возможны на Востоке – причём Восток здесь явление скорее не географическое, а ментальное: Восток – то, что не развитый, благовоспитанный и высокоморальный Запад, т.е. Балканский полуостров, Российская империя и азиатские страны. Доказательством такому разграничению народов на «свои» и «чужие» и восприятию «чужих» исключительно в качестве дикарей служит следующая фраза из газеты «Le Radical»:

«Европа видела множество революций; под волной народного гнева исчезло много монархических тронов. Но следует обратиться к России, или Турции, или Китаю, автократическим странам, чтобы отыскать в истории этих стран такого рода нападения (*К.Е. – как Майский переворот*)» [26].

Однако в некоторых статьях из французских газет мы встречаем довольно объективную оценку Майского переворота, благодаря тому что журналисты отмечали реальные причины, повлекшие за собой возмущение всего сербского народа, а затем и осуществление заговора. Газета «L’Echo de Paris», являвшаяся рупором правых националистических сил, подробным образом объясняет причины государственного переворота, часто апеллируя к тому, что это была воля народа: «убийц было несколько десятков, но сообщников – тысячи» [27]. При рассмотрении причин переворота журналист отсылает нас к временам Милана Обреновича, «который вызывал сильное недовольство страны своими злоупотреблениями власти и полным презрением к проявлениям национальной воли» (Ibid). Его сын был ещё более ненавистен сербам, а королева Драга «умерла, убитая палачами, преступление которых не имеет извинения», но «она сама приготовила эту кровавую трагедию» (Ibid). Однако, несмотря на все правительственные ошибки последних Обреновичей, трудно да и просто безнравственно оправдывать кровавую расправу, и поэтому заявляет газета «L’Echo de Paris»:

«Что до нас, то мы были огорчены, представив себе солдат, превратившихся в убийц, и вызывает глубокую грусть убийство, хладнокровно совершённое сербскими офицерами» [27].

Благодаря французской прессе, мы также узнаём немного о том, какова была реакция других европейских стран. Особенно интересна позиция

Дуалистической монархии по данному вопросу. «La Croix» от 12 июня отмечает: «Убийства в Белграде вызывают в Вене значительное волнение... Специальные издания жадно читаются. Император узнал новость во время религиозной церемонии, проходящей в Хофбурге: он был крайне поражён» [18].

Однако, несмотря на первое, поразившее императора впечатление от новости о кровавых событиях в Сербии, уже через 5 дней в австрийской газете «Neue Freie Presse» («Новая свободная пресса») отмечалось, что Австро-Венгрия не имеет никакого намерения вмешиваться во внутренние дела Сербии... Она «только желает, чтобы ничего опасного не угрожало её собственному спокойствию» [27]. Таким образом, Дуалистическая монархия всё-таки пожелала остаться в стороне от совершившихся кровавых событий, дабы не потерять своих позиций влиятельной державы на полуострове, и одной из первых держав признала Петра Карагеоргиевича новым королём Сербии. Политический расчёт победил сентиментальность.

Если говорить о реакции славянских государств, то, как это отмечалось, во французской прессе, Майский переворот привёл к временному (но не долговому) разрыву между Сербией и Россией – ведь было совершено насильственное действие над монархом. С другой стороны, Черногория, славянский сосед и «кровный брат» Сербии, с радостью приняла весть о восшествии на престол Петра Карагеоргиевича – кстати, зятя черногорского князя Николы Петровича-Негоша: «Выстреливали артиллерийские залпы, слышался звон колоколов, на улицах звучала военная музыка...» [19]. Князь Никола перед огромной толпой в Цетинье произнёс похвалу предку нового сербского царя (Карагеоргию, руководителю Первого сербского восстания и основателю династии Карагеоргиевичей), однако всё-таки признал жестокость государственного переворота и осудил действия заговорщиков (Ibid).

Таким образом, реакция в Европе на Майский переворот 1903 г. оказалась живой и далеко не однозначной, что было в первую очередь связано с правительственным курсом того или иного государства. Австро-Венгрия и Россия, не желая потерять свои влиятельные позиции на Балканском полуострове, очень

быстро «простили» сербский народ за совершённое убийство монарха, восстановив активные политические и экономические связи с королевством под управлением династии Карагеоргиевичей. Великобритания и Франция, имевшие довольно сильные позиции в регионе, однако известные как демократические «рупоры» Европы, резко осудили заговорщиков и в общем назвали все народы, населяющие Балканы, «варварами», не имеющими ничего общего с просвещённой частью мира – Западной Европой. Французская пресса, находившаяся в начале XX в. в расцвете сил (неслучайно рубеж XIX–XX вв. называют «золотым веком французской прессы»), живо отозвалась на события 29 мая 1903 г. в Белграде, отразив в своих статьях отношение не только различных французских слоёв общества на произошедшее, но и всей европейской общественности.

Заключение

Майский переворот 1903 г. – коренное событие в истории Сербского королевства. 29 мая стало днём, изменившим ход истории Балканского полуострова, что, естественным образом, повлияло и на бег всевропейской истории. Династия Обреновичей была ниспровергнута с трона. Да и хотела ли она удержаться на нём? Наверное, хотела. Однако не удержалась из-за своей непоследовательности, необдуманной политики, желания погнаться за двумя «зайцами» – Россией и Австро-Венгрией, но в результате не поймав никого. В конечном счёте, не удержалась династия из-за своей ненависти к народу, которым пыталась управлять. Народ это почувствовал – военная верхушка осуществила чаяния населения – и, вступая в противоречия с мнением западноевропейской прессы, в Сербии прочно воцарилась династия Карагеоргиевичей, а с ними пришёл и «золотой век», которому, к сожалению, суждено было продлиться недолго – до 28 июня 1914 г. и очередного осуждения «балканской жестокости».

Франция на рубеже XIX–XX вв. была тесно связана с Сербией, являясь для последней оплотом демократии и образцом для подражания. Тесное политическое, экономическое и культурное сотрудничество с балканским королевством обусловило интерес французской общественности к событиям, происходящим в беспокойном регионе – что отразилось на том, какое количество статей в

передовой французской прессе было посвящено различным перипетиям балканской политической жизни – в этой связи, естественен тот яркий интерес, который проявили французские корреспонденты к Майскому перевороту 1903 г. Во многом именно благодаря живым нападкам газет Третьей Республики вся Европа узнала о том, что на самом деле произошло в Сербии, и смогла по-настоящему, вместе осудить балканские народы в варварстве. Западная Европа снова почувствовала себя творцом демократических свобод и третейским судьёй – что для историков-балканистов является, несомненно, счастливым фактором, ведь если бы события 29 мая в Белграде не затронули струнки тщеславной французской души, многие подробности государственного переворота остались бы навсегда никому не известными. Однако, как и в отношении любого человеческого мнения, следует «отделять зерно от плевел» и, сопоставляя достоверные исторические факты с тем, что излагается во французских газетах, выявлять истину.

Подводя итог нашему исследованию, хотелось бы подчеркнуть, что несмотря на ту негативную реакцию, которую вызвал Майский переворот 1903 г. во французском обществе, и то недоверие к взошедшей таким образом на престол династии Карагеоргиевичей, Французская республика всё же не «сожгла мосты» в отношениях с Сербским королевством. Эпоха правления славной династии, основанной Карагеоргием, ознаменовалась активным политическим, экономическим, культурным, а в Первую Мировую войну и военным сотрудничеством с Францией, открыв новую страницу в отношениях двух стран.

Источники:

1. Croix (Le):

- a) La Révolution en Serbie // 12.06.1903. P.1;
- b) Le Drame de Belgrade // 13.06.1903. P.1;
- c) La Révolution en Serbie // 13.06.1903. P.1–2.

2. Echo de Paris (L'):

- a) Le Massacre de Belgrade // 12.06.1903. P.1–2;
- b) Les Événements de Serbie // 17.06.1903. P.2;
- c) Les Événements de Serbie // 18.06.1903. P.2.

3. Petit Parisien (Le): Coup D'état Serbe // 18.06.1903. P. 1–2.
4. Petit Parisien (Le). Supplément littéraire illustré // 28.06.1903. P.1–2.
5. Radical (Le):
 - a) Le Drame de Belgrade // 13.06.1903. P. 1–2;
 - b) Le Drame de Belgrade // 14.06.1903. P 1–2.

Список литературы

1. Агансон О.И. Великие державы и малые страны в пространстве Балкан: поиск модели взаимодействия (по материалам британской прессы) // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улуныяна. – М., 2014. – С. 260–278.
2. Агансон О.И. Влияние Майского переворота 1903 г. в Сербии на расстановку сил в Балканском регионе // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2010. – №2. – С. 77–89.
3. Аникеев В.Е. История французской прессы (1830–1945). – М., 1999.
4. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики Великих держав на Балканах в XX веке. – М., 2005.
5. Искендеров П.А. Сербия при Обреновичих // В «пороховом погребе Европы». – 1878–1914 гг. – С. 166–182;
6. Листая страницы сербской истории... – М., 2014.
7. Прутцков Г.В. История зарубежной журналистики. 1800–1929. – М., 2010.
8. Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг. – М., 2016.
9. Bataković D. French Influence in Serbia 1835–1914: Four Generations of 'Parisians' // Balcanica. – 2010. – Vol. XLI. – P. 93–130.
10. Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918): между «национальным идеалом» и «гражданским обществом» // Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности:

Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878-1921 гг. – М., 2016. – С. 169-261.

11. Искендеров П.А. Указ. Соч. – С. 166.

12. Le Massacre de Belgrade // L'Echo de Paris. – 12.06.1903. – P. 1.

13. Русофильство Натальи Обренович вполне объяснимо: она была дочкой полковника российской службы Петра Ивановича Кешко.

14. Coup D'état Serbe // Le Petit Parisien. – 18.06.1903. – P. 1.

15. Coup D'état Serbe // Le Petit Parisien. – 18.06.1903. – P. 2.

16. Цит. по: Человек на Балканах... – С. 209.

17. Le Petit Parisien. Supplément littéraire illustré // 28.06.1903. – P. 2.

18. La Révolution en Serbie // Le Croix. – 12.06. 1903. – P. 1.

19. Les Événements de Serbie // L'Echo de Paris. – 17.06.1903. – P. 2.

20. Bataković D. Op. Cit. – P. 117.

21. Bataković D. Op. cit. – P. 93.

22. Bataković D. Op. Cit. – P. 105.

23. Ibid. – P. 99.

24. Цит. по: Bataković D. Op. Cit. – P.124.

25. Ibid. – P. 113.

26. Le Drame de Belgarde // La Croix. – 13.06.1903. – P. 1.

27. Le Massacre de Belgrade // L'Echo de Paris. – 12.06.1903. – P. 2.

References

1. Aganson, O. I. (2014). Velikie derzhavy i malye strany v prostranstve Balkan: poisk modeli vzaimodeistviia (po materialam britanskoi pressy). Slaviane i Rossiia, pp. 260-278. М.

2. Aganson, O. I. (2010). Vliianie Maiskogo perevorota 1903 g. v Serbii na ustanovku sil v Balkanskom regione. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 8: Istorii, 2, pp. 77-89.

3. Anikeev, V. E. (1999). Istoriiia frantsuzskoi pressy (1830-1945). М.

4. (2005). Balkanskii uzel, ili Rossiia i "iugoslavskii faktor" v kontekste politiki Velikikh derzhav na Balkanakh v XX veke. М.

5. Iskenderov, P. A. (1878). Serbiia pri Obrenovichakh. V "porokhovom pogrebe Evropy", 1878-1914, P. 166.
6. (2014). Listaia stranitsy serbskoi istorii... M.
7. Pruttskov, G. V. (2010). Istoriia zarubezhnoi zhurnalistiki. 1800-1929. M.
8. (2016). Chelovek na Balkanakh. Osobennosti "novoi" iuzhnoslavijskoi gosudarstvennosti: Bolgariia, Serbiia, Chernogoriia, Korolevstvo SKhS v 1878-1921 gg. M.
9. Batakovic, D. (2010). French Influence in Serbia 1835-1914: Four Generations of 'Parisians'. *Balkanica*, Vol. XLI. P. 93-130.
10. (2016). Osobennosti politicheskogo protsessa v nezavisimoi Serbii (1878-1918): mezhdu "natsional'nym idealom" i "grazhdanskim obshchestvom". Chelovek na Balkanakh. Osobennosti "novoi" iuzhnoslavijskoi gosudarstvennosti: Bolgariia, Serbiia, Chernogoriia, Korolevstvo SKhS v 1878-1921 gg, pp. 169-261. M.
11. Iskenderov, P. A. Ukaz. Soch. P. 166
12. Le Massacre de Belgrade. *L'Echo de Paris*, p. 1.
13. Rusofil'stvo Natal'i Obrenovich vpolne obiasnimo.
14. Coup D'etat Serbe. *Le Petit Parisien*, p. 1.
15. Coup D'etat Serbe. *Le Petit Parisien*, p. 2.
16. Tsit. po: Chelovek na Balkanakh... P. 209
17. *Le Petit Parisien*. Supplément littéraire illustré // 28.06.1903. – P. 2.
18. La Révolution en Serbie // *Le Croix*. – 12.06. 1903. – P. 1.
19. Les Événements de Serbie // *L'Echo de Paris*. – 17.06.1903. – P. 2.
20. Bataković D. Op. Cit. – P. 117.
21. Bataković D. Op. cit. – P. 93.
22. Bataković D. Op. Cit. – P. 105.
23. Ibid. – P. 99.
24. Цит. по: Bataković D. Op. Cit. – P.124.
25. Ibid. – P. 113.
26. Le Drame de Belgarde // *La Croix*. – 13.06.1903. – P. 1.
27. Le Massacre de Belgrade // *L'Echo de Paris*. – 12.06.1903. – P. 2.

Княжева Екатерина Олеговна – студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Россия, Москва.

Knyazheva Ekaterina Olegovna – student at M.V. Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow.
